

Ещё немного подожди, — И Мо покачал головой. — Не хватает ещё одной вещи, как только всё сойдётся, начнём действовать.

Слушаюсь, — отозвалась Сяо Юй.

В то же время Нин Сяочун вместе с Чжан Хаем направлялся к саду. По дороге он думал о том, как бы ему ускользнуть и как предупредить остальных, что княжеская резиденция сейчас крайне опасна.

Тягостное предчувствие как нельзя лучше описывало состояние Нин Сяочун в этот момент. С озабоченным видом он стоял в небольшой беседке у пруда, где совсем недавно случайно встретил Сяо Мэй, но теперь то место было совершенно пустым.

Дыхание Чжан Хая было тяжёлым и медленным, а за сдержанностью скрывалось сильное недовольство. К счастью, он всё ещё чувствовал исходивший от Сяо Мэй слабый аромат персиковых цветов и был уверен, что она появлялась здесь. В противном случае Нин Сяочун наверняка уже превратился бы в мёртвую букашку.

Что она тебе сказала перед уходом? — Чжан Хай огляделся по сторонам, устремил на Нин Сяочун налитые кровью глаза и громко спросил.

Нин Сяочун инстинктивно отступил на маленький шаг: — Всё, что она велела тебе передать, я уже рассказал раньше.

Повтори ещё раз. — Приказ Чжан Хая прозвучал холодно и не терпящим возражений тоном.

Стараясь не упустить ни единого слова, Нин Сяочун повторил: — Она сказала: Маленькая букашка, передай Чжан Хаю: если в этой жизни Сяо Мэй не сможет исполнить своё заветное желание, то в следующем перерождении я непременно приду на встречу и сдержу своё обещание.

И это всё? — Чжан Хай нахмурился, на его лице появилось свирепое выражение, от которого у Нин Сяочун сердце ушло в пятки.

Безустанно кивая, Нин Сяочун торопливо ответил: — Правда, больше ничего не было.

Очевидно, ответ Нин Сяочун его совсем не удовлетворил. Чжан Хай схватил Нин Сяочун за одежду и притянул к себе, а его кровожадная аура мгновенно усилилась: — Повтори мне слово в слово всё, что она говорила тебе сегодня вечером.

Запах крови ударил в лицо, запахнул новой бедой. Нин Сяочун втянул голову в плечи и мысленно горько заплакал. Он ведь всего-навсего пришёл сдавать экзамен на Старец в Луне (Юэлао), почему на его долю выпали эти злоключения?

Припомнив, что ему всё ещё нужно спасти свою шкуру и позвать на помощь И Мо, Нин Сяочун с унынием стал восстанавливать в памяти весь разговор с Сяо Мэй. До того как обрести человеческий облик, Нин Сяочун долго мечтал о возможности с кем-нибудь поговорить. Беседы при свечах долгими ночами или задушевные разговоры за вином казались ему невероятно приятными вещами. Но теперь он понял, что повторять чужие разговоры — это скучное и каторжное занятие.

К счастью, настроение Чжан Хая ещё не испортилось окончательно. Набравшись терпения, он выслушал Нин Сяочун до конца и тихо пробормотал себе под нос: — Человек, которого она ждала, наконец-то пришёл... Как такое возможно, ведь этот человек давно исчез, если только...

Огонёк жажды убийства на дне его глаз мгновенно вспыхнул с новой силой, явственно выдавая гнев. Не веря происходящему, Чжан Хай покачал головой: — Нет, так нельзя, как всё может закончиться вот так...

Заметив, что Чжан Хай погрузился в глубокие раздумья и, занятый сам собой, совсем потерял к нему интерес, Нин Сяочун бросил быстрый взгляд по сторонам. Извилистая тропинка из булыжника терялась в конце темноты — если не бежать сейчас, то когда же?

Шаг за шагом он пятился назад, стараясь ступать неслышно, и постепенно удалился от Чжан Хая. Заметив, что тот по-прежнему не обращает на него внимания, Нин Сяочун набрался храбрости и отступил ещё на несколько шагов. Поняв, что Чжан Хай всё так же не замечает его, Нин Сяочун решительно повернулся и бросился наутёк.

Нин Сяочун изо всех сил помчался назад по тропинке. Он бежал очень долго, пока не устал настолько, что сбавил шаг и остановился. Сообразив, что преследователь должен был остаться далеко позади, он с облегчением потёр пот со лба.

В наши дни сдать экзамен на Старец в Луне (Юэлао) непросто. Почему, стоять лишь протянуть невидимую красную нить, как на пути попадают не те люди, а вечно какие-то посторонние опасные прохожие?

Как же я устал, — Нин Сяочун прислонился к каменной колонне и тяжело вздохнул.

Кто заставлял тебя бежать так быстро? — из-за каменной колонны донёсся зловещий, странно знакомый холодный голос.

Нин Сяочун был готов зарыдать навзрыд.

Что за несправедливость, у маленьких демонов такая тяжёлая судьба, даже убежать получается медленнее, чем у остальных.

Его тысячелетняя практика, его демоническая сила и артефакты казались бледнее одинокой

искорки в ночном небе. Нин Сяочун горько раскаивался в своих заблуждениях. Он-то решил, что самое главное при превращении в человека — это обзавестись красивой оболочкой, чтобы потом не знать забот ни о еде, ни об одежде. Именно поэтому он целую тысячу лет тщательно выстраивал свой будущий облик. Кто же знал, что после обращения в человека его постигнет жестокое разочарование: внешность оказалась до банального заурядной, а людей красивее него наберется столько, что ими можно заполнить несколько Столица.

Его с таким трудом подготовленная прекрасная внешность пошла прахом. Что же касается боевых навыков, то Нин Сяочун полностью соответствовал своей истинной природе — он был сущей мелкой букашкой, которую все норовили растоптать. Всё, что ему оставалось в случае опасности, — это извиваться своим пухлым тельцем и кататься по земле, подставляя всем белый животик.

Выражение лица Нин Сяочун исказилось хуже некуда. Криво улыбнувшись, он повернул голову и увидел стоявшего у каменной колонны Чжан Хая с мрачной тучей на лице. Нин Сяочун откашлялся: — Съел слишком много за ужином, умеренная разминка полезна для практики, ха-ха-ха-ха...

Чжан Хай по-прежнему хранил мрачное молчание и в упор смотрел на него.

Нин Сяочун поулыбался через силу ещё какое-то время, пока у него не заболело лицо. Эта улыбка выглядела страшнее слёз, и когда смеяться стало совсем невозможно, он с тяжёлым сердцем прекратил эту изнурительную гримасу.

В этот момент Чжан Хай с бесстрастным лицом приподнял Нин Сяочун за шиворот, так сильно дёрнув, что у того заныла шея. Не обращая на это никакого внимания, Чжан Хай поволок Нин Сяочун за собой и растворился в ночной темноте: — В час крысы пойдёшь со мной во внутренний двор.

Нин Сяочун обливался кровавыми слезами: Верхний Бессмертный, спасите!

Резиденция князя Чэна, внутренний двор, час крысы.

Выражения лиц большинства присутствующих во дворе выглядели вполне нормальными, чего нельзя было сказать о Нин Сяочун. Свирепая ядовитая тварь вцепилась лапками ему в шею: стоило Нин Сяочун сделать хоть одно лишнее движение, как она тут же впиалась бы в него зубами. Яд проник бы в кровь, и он в мгновение ока протянул бы ноги, отдав Богу душу.

На душе у Нин Сяочун было крайне тревожно. Все они здесь — насекомые, с какой стати у других есть смертельный яд, а у него только любовь грызть капустные листья? Поручение, которое дал ему Чжан Хай, казалось настолько нелепым, что граничило с безумием — тот требовал, чтобы он убил И Мо. Даже если подумать об этом с помощью волос на голове, становилось ясно, что это невозможно; вероятно, И Мо куда быстрее и проще прикончил бы его самого.

Сяо Мэй сохраняла безмятежность. На её губах по-прежнему играла лёгкая улыбка, она спокойно сидела во внутреннем дворе и перебирала струны гуциня. Мелодичные звуки музыки привлекали стоявших не遠деке слуг и служанок, с интересом наблюдавших за происходящим.

И Мо сидел как раз напротив Сяо Мэй, у каменного стола, на котором были расставлены угощения и вино. Сяо Юй охраняла его сбоку и время от времени подливала вино в чашу И Мо. На лице И Мо не было ни тени волнения: слушая музыку и попивая вино, он выглядел весьма довольным.

<http://bllate.org/book/28117/3401310>